Смирнова И.Г.

Борьба с преступностью и уголовное судопроизводство

Аннотация: На основе анализа сложившейся правоприменительной практики, законотворческой политики в сфере уголовного судопроизводства, а также общественного мнения по ключевым вопросам реализации уголовно-процессуальной политики в статье дается критическая оценка политики борьбы с преступностью. С учетом международно-правовых стандартов защиты прав и свобод личности в сфере уголовного преследования и конституционно провозглашенного приоритета частных интересов в деятельности органов государственной власти анализируется возможность использования уголовно-процессуальных механизмов для достижения целей борьбы с преступностью. В работе раскрывается сущность преобладающего при уголовно-процессуальном регулировании принципа пропорциональности, а также обосновывается идея о том, что законодательно закрепленный приоритет защиты прав и свобод личности в сфере уголовного преследования с учетом сложившейся современной ситуации в области внутренней и внешней государственной политики не способствует реализации концепции борьбы с преступностью. Речь может идти исключительно об удержании преступности на социально терпимом уровне. С другой стороны, нельзя ни в коем случае допустить абсолютизации идеи защиты прав человека, поскольку данная тенденция может препятствовать обеспечению безопасности жизненно важных интересов, в первую очередь общества и государства, без чего фактическая защита прав и свобод личности представляется немыслимой.

Ключевые слова: уголовный процесс; борьба с преступностью; права личности; безопасность личности, общества и государства; уголовно-процессуальная политика.

Происходящие в последнее время в России реформы, попытки построения гражданского общества, формирование правового государства, активная включенность России в международные процессы обусловливают, с одной стороны, формирование новой системы ценностей, а с другой стороны, необходимость кардинального преобразования различных институтов правовой

♦ **Смирнова Ирина Георгиевна** – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой криминалистики и судебных экспертиз Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

системы, и в первую очередь уголовно-процессуального законодательства. Такие преобразования в сфере уголовного судопроизводства должны соответствовать Конституции РФ (согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью), мировым стандартам в сфере защиты прав личности.

Охрана общечеловеческих ценностей в сфере уголовного судопроизводства приобретает особое значение, что подтверждается при анализе общепризнанных принципов и норм международного права, которое по своей при- роде призвано стать «гомоцентричным, т.е. ориентированным на человека» [6, с. 61].

В Преамбуле Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. особо подчеркивается, что именно признание равных и неотъемлемых прав всех членов человеческой семьи является основой свободы, справедливости и всеобщего мира. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. также содержит указание на обязанность государств поощрять всеобщее уважение и соблюдение прав и свобод человека.

Не меньшее значение защите прав личности придается в итоговых актах и решениях международных конференций. Так, в Венской декларации и программе действий, принятой 25 июня 1993 г. Всемирной конференцией по правам человека, указывается, что государствам следует искоренить все нарушения прав человека и вызывающие их причины, устранить препятствия на пути осуществления этих прав, а также поощрять исследования в этой области [1]. Аналогичные положения нашли свое отражение в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г., в которой отмечено, что поощрение и защита всех прав человека являются одной из первоочередных задач международного сообщества [2, с. 94].

ООН, придерживаясь основных международных стандартов по защите гражданских прав, в Рекомендациях относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития в XXI веке от 14 декабря 1990 г. особо указывает, что наиболее пристальное внимание следует уделить укреплению связей сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия [5].

Однако не менее важна и фундаментальная аксиологическая основа, обеспечивающая эффективность уголовно-процессуального регулирования, достижение состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства.

В настоящий период все большая часть исследований базируется на аксиологической тематике, что объясняется новейшими открытиями во многих

отраслях знаний, меняющими мировоззренческие представления, а также, что еще более важно, затрагивающими глубинные, экзистенциальные характеристики самой личности. Современное общество заинтересовано в понимании путей и форм универсализации организующих его ценностей, мировоззренческих оснований того или иного явления.

Вполне закономерное и столь своевременное обращение исследователей к ценностным основам права, и особенно уголовно-процессуального права, продиктовано еще одним обстоятельством – неэффективностью правового регулирования уголовно-процессуальных отношений. Сложившуюся в настоящее время правовую ситуацию в России, как представляется, можно охарактеризовать следующими взаимосвязанными и взаимообусловленными явлениями:

– критическим снижением доверия населения к судебной власти и к органам уголовного преследования [7, с. 25, 171–172];

– отказом граждан содействовать правосудию (нежелание быть понятыми, исполнять обязанности присяжных заседателей, а также давать свидетельские показания. По данным проведенного нами анкетирования 2 124 граждан на территории 18 субъектов РФ, 25,7 % лиц отказались быть понятыми, 58,9 % выразили нежелание быть присяжными, а 26,6 % крайне неохотно давали показания);

– крайней обеспокоенностью общества утратой моральных ценностей (по результатам исследования, проведенного фондом «Общественное мнение» по заказу МВД РФ, такое беспокойство выразили 61 % россиян [4]);

– ростом преступности, неспособностью государства ее контролировать (мониторинг латентной преступности позволил констатировать: фактическая преступность более чем в 8 раз превышает уровень зарегистрированной преступности [11, с. 6]);

– сложной ситуацией в сфере внешней политики, при которой уголовно-процессуальные средства реагирования являются наиболее эффективными и адекватными.

В таких обстоятельствах крайне важно определиться с возможностями государства в деле борьбы с преступностью и местом уголовного судопроизводства в системе соответствующих механизмов. Это является необходимым для решения наиболее дискуссионных задач теории и практики уголовного процесса, обеспечения эффективности и действенности предложений по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Прежде всего, следует определиться с первоначальной целевой установкой – борьбой с преступностью.

Разработанная Н.Г. Стойко классификация уголовно-процессуальных стратегий (учитывающих как целевые установки государственной деятельности, так и средства достижения поставленных целей) включает в себя наряду с такими стратегиями, как защита прав и свобод обвиняемого, социальная поддержка обвиняемого, социальная поддержка потерпевшего, рациональность и эффективность уголовного судопроизводства, примирение, такую самостоятельную стратегию, как уголовное преследование [10, с. 24–29].

Конечно, необходимо подчеркнуть, что упомянутые нами выше уголовно-процессуальные стратегии, систематизированные и предложенные Н.Г. Стойко, ни в коей мере не исключают друг друга. По его собственному справедливому замечанию, уголовный процесс должен рассматриваться как социально-интегративный, в котором стратегии не противоречат, а дополняют друг друга [9, с. 14]. Вместе с тем при выборе и провозглашении стратегии или их совокупности необходимо руководствоваться такими критериями, как справедливость, разумность (соответствие чего-либо самодостаточной универсальной идее, обычному порядку вещей) и целесообразность (соответствие поставленной цели). Полагаем, что данные критерии при выборе уголовно-процессуальной стратегии должны учитываться в совокупности.

И здесь нельзя не вспомнить действующий в ряде европейских государств принцип пропорциональности, включающий в себя три основных элемента – адекватность, необходимость и пропорциональность stricto senso (соответствующая степень контроля), которая характеризуется четырьмя основными признаками:

– вмешательство публичной власти должно преследовать законную цель, связанную с общим интересом;

– такое вмешательство должно способствовать достижению поставленной цели;

– вмешательство должно быть необходимым для достижения цели (идея так называемого минимального вмешательства: публичное вмешательство должно быть в наименее жесткой, суровой форме, достаточной для по- лучения требуемого результата);

– необходимо обеспечивать баланс между серьезностью вмешательства и важностью цели [12].

Анализ современного процессуального закона позволяет утверждать, что обозначенные критерии более чем актуальны и для российского уголовного процесса. Законность цели в УПК РФ обеспечивается, например, тем, что только суд вправе давать согласие на ограничение конституционных прав граждан при производстве по уголовным делам. Необходимость обоснования любого решения, которое принимается при производстве по уголовному делу,

возведена в ранг принципа: п. 4 ст. 7 УПК РФ закрепляет, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Минимальность вмешательства (в уголовном процессе, думается, речь идет об ограничении конституционных прав и свобод личности), в частности, проявляется в том, что задержание допускается только по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 91 УПК РФ); продление предельно допустимого срока содержания под стражей по общему правилу не допускается (ч. 3 ст. 109 УПК РФ); принудительный привод не допускается в отношении беременных женщин, лиц, не достигших 14 лет, больных (ч. 6 ст. 113 УПК РФ); при решении вопроса об избрании меры пресечения необходимо всякий раз учитывать тяжесть преступления, личность подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (ст. 99 УПК РФ). Не чем иным, как стремлением обеспечить баланс между серьезностью вмешательства и важностью цели, можно объяснить обязанность суда прекратить производство по делам частного обвинения в случае фактического примирения сторон (ч. 5 ст. 319 УПК РФ). Ряд таких примеров, демонстрирующих принцип пропорциональности в действии в сфере уголовного преследования, можно было бы продолжать и далее. Но уже сейчас можно сказать, что ст. 2 Конституции РФ, ст. 6 УПК РФ, с одной стороны, а также вводимые в последние годы новые сокращенные формы производства по уголовным делам, с другой стороны, не позволяют однозначно утверждать, что государство борется с преступностью. Более того, принцип пропорциональности и борьба с преступностью имеют противоречащие друг другу цели. Более соответствующей современным реалиям уголовно-процессуального регулирования следует признать позицию не борьбы с преступностью, а контроля над ней, ее сдерживания.

Здесь вполне уместно вспомнить Л.Е. Владимирова, который в свое время справедливо утверждал, что «слова «борьба с преступлением», так часто упоминаемые… не должны вводить вас в заблуждение. Юстиция не воюет. Государство не борется с преступниками как с вражескою армией, а относится к ним, как к заблудшим своим детям. За преступление оно карает, налагает страдания…» [8, с. 27]. Как уже отмечалось ранее, мониторинг латентной преступности позволяет констатировать: фактическая преступность более чем в 8 раз превышает уровень зарегистрированной преступности, что дает основания утверждать, что на данный момент государство не способно действенно бороться с преступностью. Поэтому полагаем более честным говорить о контроле уровня преступности.

Кроме того, ученые отмечают, что гражданин и общество не столько жаждут борьбы с опасностью, сколько защиты, т.е. безопасности, такой подход более богат социальным содержанием. Наконец, борьба с преступностью предполагает в конечном итоге наличие победителя и побежденного. Как нам представляется, более социально ценной является политика социального контроля преступности.

Особо следует подчеркнуть, что в современный период развития уголовно-процессуальных отношений интерес общества и отдельных граждан совпадает в той части, в которой «и гражданин, и общество не столько жаждут борьбы… сколько защиты…» [3, с. 26]. Иными словами, необходимость изменения проводимой государством уголовной политики, формирования новых приоритетов в системе тех ценностей, которые находятся под государственной защитой, нашла свое отражение в изменениях и дополнениях уголовно-процессуального законодательства последнего периода.

К таковым, в частности, можно отнести введение особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ) и особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), продвижение особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), урегулирование дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ).

Указанные новации направлены на одновременное решение нескольких задач: реализацию уголовно-процессуальной политики общепринятой реакции государства на совершение преступлений, а также обеспечение при этом адекватного уровня защиты прав личности.

Вместе с тем следует особо отметить, что, несмотря на видимую очевидность необходимости защиты личности, ее прав и свобод (тем более в сфере уголовного преследования, где она становится наиболее уязвимой независимо от своего уголовно-процессуального статуса), указанная тенденция подвергается в последнее время все большей критике. Действительно, фактическое доминирование внешних проявлений, формы над сущностью, содержанием, природой тех или иных исследованных явлений и ценностей в вопросах за- щиты прав человека, его законных интересов в уголовном процессе приводит к оттеснению на второй план обязанностей человека. В последнее время все более очевидной становится необходимость осознания того обстоятельства, что индивиды, сообщества, государства имеют в отношении друг друга обязанности. Широкое же осуществление прав возможно лишь в том случае, если каждый будет на всех уровнях выполнять свои обязанности.

Более того, в Конституции РФ, кроме декларативного объявления прав и свобод личности высшей ценностью в российском государстве, отсутствуют иные ценности, например, российской государственности, что указывает на наличие принудительно укороченного ценностного ряда. Аналогичным образом и в УПК РФ не выражены четко должные гарантии защиты интересов общества и государства, без чего невозможно обеспечить защиту интересов личности через систему прав и свобод. Следовательно, необходимо синхронизировать защиту интересов личности с интересами общества и государства. Именно в этом видят социальную ценность уголовного судопроизводства из числа опрошенных респондентов 13,9 % судей, 7,3 % прокуроров, 7,4 % следователей и дознавателей, 18,9 % адвокатов.

Таким образом, законодательно закрепленный приоритет защиты прав и свобод личности в сфере уголовного преследования с учетом сложившейся современной ситуации в области внутренней и внешней государственной политики не способствует реализации концепции борьбы с преступностью. Речь может идти исключительно об удержании преступности на социально терпимом уровне. С другой стороны, нельзя ни в коем случае допустить абсолютизации идеи защиты прав человека, поскольку данная тенденция может препятствовать обеспечению безопасности жизненно важных интересов, в первую очередь общества и государства, без чего фактическая защита прав и свобод личности представляется немыслимой.

Библиография

1. Венская декларация и программа действий от 25 июня 1993 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2002. – С. 78–93.

2. Верховный комиссар по поощрению и защите всех прав человека: резолюция Генер. Ассамблеи ООН от 20.12.1993 г. № 48/141 // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2002.

3. Гаврилов С. Нужно ли с преступностью «бороться»? / С. Гаврилов // Российская юстиция. – 1996. – № 3.

4. Результаты изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал». – Режим доступа: http://vnii-mvd.ru/node/1080.

5. Рекомендации ООН относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития в XXI веке от 14.12.1990 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Сабитова А.А. Теоретические аспекты изучения прав человека с позиции международного права / А.А. Сабитова // Проблемы социальной ценности антикриминального законодательства : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 18 апр. 2008 г. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008.

7. Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства / И.Г. Смирнова. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 352 с.

8. Смолькова И.В. Великие и выдающиеся, знаменитые и известные личности об уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 688 с.

9. Стойко Н.Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость / Н.Г. Стойко // Российский следователь. – 2006. – № 4. – С. 12–15.

10. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Н.Г. Стойко. – СПб., 2007. – 50 с.

11. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 839 с.

12. Толстых В.Л. Конституционное правосудие и принцип пропорциональности / В.Л. Толстых // Российское правосудие. – 2009. – № 12. – С. 72–77.